

Клуб интересных встреч

ГЕОРГИЙ ГУЛИА КАК ОН ЕСТЬ

Я познакомился с Георгием Дмитриевичем Гулиа тридцать пять лет назад — весной 1948 года, вскоре после того, как он приехал в Москву и навсегда поселился в «добром городе» (так назвал он столицу в одном из своих произведений).

Тогда в «Новом мире» была опубликована его повесть «Весна в Сакене», принесшая ему известность и прославившая его. Этот год был водоразделом всей жизни писателя: первые тридцать пять лет он прожил в Сухуми, вторые — в Москве и в эти дни отмечает свое семидесятилетие.

— Георгий Дмитриевич, вы помните то время? — спрашиваю я его, сидя на низеньком, словно со спиленными ножками абхазском стуле за таким же невысоким абхазским столом в его московской квартире, которая давно уже стала своеобразным музеем: портреты писателей и художников, реликвии, привезенные со всех концов мира, редчайшие книги.

— Как же не помнить! Тогда начинал свой литературный путь, а сейчас я, как утверждают критики, опытный литератор. Но задача и тогда, и сейчас была у меня одна: создать образ героя, который понравился бы читателям, у которого было бы за душой нечто такое, чем он мог бы поделиться, чему мог бы научить. В повести «Весна в Сакене» это был Кесоу Мирба.

— По-моему, он привлекал нас не только тем, что был романтиком, а в первую очередь своей активной гражданской позицией.

— Иными словами, он был человеком дела. Человек дела — это главная фигура как в жизни, так и в литературе. Давно надоели болтуны, лентяи, бюрократы. Хочется видеть в людях обязательность, порядочность, надежность. Доброту, отзывчивость, жизнелюбие. Стремление строить, созидать, преодолевать трудности, которых

еще немало, бороться против приспособленцев и лгунов.

— Наверное, в жизни «человек дела» встречается не так уж часто?

— Почему же? Хороших людей у нас большинство. Но, как я уже сказал, бывают и другие. И не надо бояться их показывать. Ведь если следовать правде жизни, то все герои встанут на свои места.

— Все это касается ваших книг, посвященных современности. Среди написанного вами немало и книг о москвичах. Кое-что из таких рассказов печаталось в «Вечерней Москве». Но хотелось бы задать вам вопрос, связанный с высказыванием Гёте: «Каждый писатель до известной степени изображает в своих сочинениях самого себя». Как преломляется это в вашем творчестве?

— У меня есть несколько книг о поэтах. О гениальном поэте древности Омаре Хайяме, о великом русском поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове, о классике нашей поэзии начала XX века Александре Блоке, а также о моем отце, народном

поэте Абхазии Дмитрие Гулиа. Конечно, в книге об отце я написал о себе больше, чем в книгах о других поэтах. Но и в них тоже присутствую я, и не только как жизнеопуститель, а и как автор, который трактует свое видение поэтов, стоит на своей точке зрения, пригласая читателя встать рядом и стараясь привлечь его на свою сторону.

— Относится ли это и к вашему историческим романам «Человек из Афин», «Сулла», «Фараон Эхнатон» и другим?

— Безусловно. Кстати, цикл таких романов (в него входит и недавно увидевший свет «Викинг», и роман о завоевателе Ганнибале, над которым работаю сейчас) своеобразен. Во всяком случае, ни в дореволюционной русской литературе, ни в литературе советской на эти темы не было пока ничего.

— Итак, вы пишете о людях Абхазии, о москвичах, о древних римлянах, карфагенянах, греках, иранцах. Отдельно — о поэтах. Не слишком ли широк диапазон?

— Возможно. Но, честно говоря, диапазон этот еще шире. Пишу ведь и юмористические рассказы, и очерки, сценарии и пьесы.

— Кроме того, вы удостоены званий заслуженного деятеля искусств Грузии и Абхазии...

— Верно. Занимаюсь и живописью.

— А какое у вас образование?

— Еще до войны окончил Закавказский институт путей сообщения. И некоторое время работал по специальности — участвовал в строительстве Черноморской железной дороги...

★

В какой ряд поставить этого многогранного человека? С кем сравнить? Этот вопрос задать ему я не решился.

Однако должен признаться, что ответы Георгия Гулиа на все свои вопросы я знал заранее — ведь мною написана толстая книга о нем под названием «Георгий Гулиа как он есть». Вы спросите, зачем же я задавал вопросы. Для вас, дорогие читатели «Вечерней Москвы»!

Александр ТВЕРСКОЙ.

НА СНИМКЕ: Георгий ГУЛИА.
Фото Р. ФЕДОРОВА.